

Розетте

Девушка
с запретной радуги

Розетте

Девушка

с запретной радуги

(Перевод с итальянского языка Екатерины Спириной)

Оригинальное название на итальянском языке: *La ragazza dagli arcobaleni proibiti*

Итальянское издательство: *Youcanprint*

Название: Девушка с запретной радуги

Автор: Розетте

Перевод на русский язык: Спириной Екатерины

Издательство: Tecktime

Все права защищены - Rosette © copyright 2015/2017

Первая глава

Я подставила лицо навстречу безмятежному ветру. Этот легкий ветерок казался приятным, почти дружеским. Это был признак того, что моя жизнь меняет свой курс и в этот раз меняет его к лучшему.

Я еще крепче сжала правой рукой ручку своего чемодана и возобновила свой путь, вновь поверив в удачу. Пункт моего назначения не был слишком далеким, если верить прогнозам водителя автобуса, и я надеялась, что они были правдивыми, а не просто оптимистичными.

Добравшись до вершины холма, я остановилась. Отчасти для того, чтобы перевести дух, отчасти от того, что не могла поверить собственным глазам.

Скромное жилище? Именно так описала его синьора МакМиллиан по телефону с простотой, присущей людям, которые привыкли жить в сельской местности.

Очевидно, она пошутила. Она не могла говорить это серьезно, не могла быть такой наивной относительно мировых достояний.

Дом был величественным и горделивым, словно дворец фей. Если выбор этого места был продиктован желанием замаскировать дом в густой и пышной зелени... Ну что ж, попытка с треском провалилась.

Неожиданно меня охватила робость, и я вдруг переосмыслила тот энтузиазм, с которым я пустилась в путешествие из Лондона в

Шотландию, из Эдинбурга в это живописное, затерянное в спокойствии село Хайлэндс. Это предложение работы свалилось на меня, как гром среди ясного неба, как манна небесная в безнадежный и мрачный момент моей жизни. Я уже смирилась с тем, что буду вечно переходить из одного офиса в другой, более безликий и невзрачный, чем предыдущий, на правах мастера на все руки и вечно жить иллюзиями. А потом – случайное письмо с предложением и телефонный звонок, после которого и началось радикальное изменение места жительства, внезапный, но очень желанный переезд. Всего несколько минут назад мне это казалось волшебным... Но что вдруг изменилось потом?

Я вздохнула и заставила свои ноги снова задвигаться. Теперь мое шествие не походило на триумфальное, как это было пару мгновений назад, а напротив, было значительно более неуклюжим и нерешительным. Настоящая Мелисанда всплывала к поверхности с более тяжелым багажом, который она тщетно пыталась утопить.

Остальную часть пути я шла очень медленно. Мне хотелось побыть в одиночестве, чтобы никто не догадался о причине моей нерешительности. Моя застенчивость, моя защитная мантия, подаренная мне моей независимой жизнью, несмотря на мои неоднократные безнадежные попытки избавиться от нее, наглым образом возвращалась на сцену, напоминая о том, кем я была.

Как я могла забыть это?

Я подошла к железной калитке высотой метра три и вновь застыла в нерешительности. Закусив губу, я вспомнила обо всех альтернативах, которые были в моем распоряжении. На самом деле их было мало. О том, чтобы вернуться назад, не могло быть и речи. Я заранее заплатила за это путешествие, и у меня осталось мало денег. Очень мало, по правде говоря.

И потом, что меня ожидало в Лондоне? Да ничего. Абсолютная пустота. Даже моя соседка по комнате с трудом вспоминала мое имя или, в лучшем случае, коверкала его.

Тишина вокруг меня была звенящей в своей абсолютной неподвижности и нарушалась только шумными ударами моего сердца.

Я поставила чемодан на узкую тропинку, на которой небрежно были разбросаны пучки травы. Но для меня это не имело значения. Я была сослана в черно-белый мир, лишенный каких-либо красок. И это не являлось метафорой.

Я приложила руку к правому виску и слегка нажала на него подушечками пальцев. Где-то я читала, что это помогает снять напряжение, и, хотя я считала это глупым и абсолютно бесполезным, я покорно последовала этому совету, которому я совершенно не верила. Я лишь поддалась устоявшейся привычке. Было утешительно иметь привычки. Я вдруг обнаружила, что это действительно расслабило меня. Наверно поэтому я никогда не отказывалась ни от одной из них. Особенно сейчас.

Я решительно повернула в противоположную сторону, удаляясь от заданного курса, готовая подделать документы, чтобы вернуться обратно. Я с горечью вспомнила мою комнату в Лондоне, маленькую как каюта на корабле, рассеянную улыбку моей соседки по комнате, пушистое брюшко кота и даже облупившиеся стены. Но внезапно, без какого-либо предупреждения моя рука вновь опустилась на ручку чемодана, а другая отворила калитку, о которую я неосознанно облокотилась. Я не знаю, что бы я сделала дальше – повернулась назад или позвонила в колокольчик, – но у меня больше не осталось возможности узнать это, поскольку именно в тот момент одновременно произошли две вещи.

Я подняла взгляд вверх, потому что мое внимание привлекло движение по ту сторону окна на первом этаже. Движение было вызвано тем, что белая занавеска вернулась на свое место. А потом я услышала женский голос. Тот же самый, что я слышала несколько дней назад в телефоне. Голос Миллисент МакМиллиан, который был пугающе близко.

– Синьора Бруно! Это Вы?

Я резко обернулась в направлении, откуда шел голос, забыв о движении за окном на первом этаже. Женщина средних лет, крепкого телосложения, худая и добродушная, продолжала говорить непрерывным потоком. И это меня поразило.

– Конечно, это Вы! Кто бы другой это мог быть? Мы не избалованы частыми визитами здесь, в Mildnight Rose House. И потом мы Вас ждали! Путешествие прошло удачно, синьорина? Вы быстро нашли дом? Вы голодны? Хотите пить? Наверно, Вы хотите отдохнуть... Я позову Кайла, чтобы он отнес Ваш багаж в Вашу комнату... У меня для Вас есть милая комната, простенькая, но очаровательная, на первом этаже...

Я даже не успела ответить ни на один из заданных вопросов, а синьора МакМиллиан не прекращала свой нескончаемый поток.

– Вы будете жить на первом этаже, как и синьор МакЛэйн... Нет, ему не нужна Ваша помощь. У него уже есть Кайл, чтобы ухаживать за ним... Он на самом деле мастер на все руки... Даже шофер... Хотя синьор МакЛэйн никогда не выходит... Ах, я так рада, что Вы уже приехали! Мне так не хватает женской компании... Этот дом немного мрачен... Внутри, по крайней мере... Здесь, на солнце, все кажется прекрасным... Вы не находите? Вам нравится цвет? Немного резкий, я знаю... Однако синьору МакЛэйну нравится.

«Вот, – подумала я с горечью, – вопрос, на который я была счастлива не отвечать».

Я проследовала за женщиной в просторный внутренний дворик перед домом. Она ни на секунду не прекращала своей болтовни звонким голосом, как звук колокольчика. Я же лишь время от времени кивала ей в ответ, бросая быстрый взгляд на постройки, которые мы проходили.

Дом был в самом деле удивительно просторный. Я ожидала увидеть более строгую, если не сказать спартанскую, мужскую обстановку, принимая во внимание, что хозяин дома, мой новый работодатель, был одиноким мужчиной. Очевидно, его вкусы совсем не были минималистическими. Мебель была роскошная, великолепная,

старинная. Где-то века XVIII, хотя я не являюсь экспертом по антиквариату.

Я удлинила шаги, чтобы не отстать от экономки, быстрой словно гепард.

– Дом большущий, – пробормотала я, воспользовавшись паузой в ее длинном монологе.

Она бросила на меня взгляд через плечо.

– Так и есть, синьорина Бруно. Однако дом наполовину закрыт. Мы используем только нижний и первый этажи. Дом слишком большой для одинокого мужчины, и содержать его утомительно для меня. Кроме длительных уборок, выполнять которые приходит уборщица извне, я здесь одна. И Кайл, конечно, чтобы делать другие работы. И теперь вот Вы.

Наконец она остановилась напротив двери и распахнула ее. Я догнала ее, слегка запыхавшись, потому что от быстрой ходьбы у меня немного сбилось дыхание. Женщина пригласила меня войти, а на губах ее играла гостеприимная улыбка.

– Надеюсь, Вам понравится у нас, синьорина Бруно. Кстати... произносится Бруно или Бруно?

– Бруно. Мой отец был итальянцем, – ответила я, обводя взглядом комнату.

Синьора МакМиллиан снова принялась болтать, рассказывая мне различные истории о своем недолгом пребывании в молодые годы в Италии, во Флоренции, и о своих последующих перипетиях судьбы, когда она была студенткой на курсе истории искусств и боролась с местной бюрократией.

Я слушала ее вполуха, потому что была слишком взволнована, чтобы делать вид, что очень заинтересована ее болтовней. Та комната, которую она назвала простенькой, была в три раза больше моей

лондонской каморки! Все мои прежние сомнения испарились. Я поставила чемоданы рядом с комодом и посмотрела на огромную кровать с балдахином, старинную, как и вся остальная мебель. Письменный стол, шкаф, прикроватная тумбочка, коврик на деревянном полу, полуоткрытое окно... Я подошла к нему и полностью распахнула, наслаждаясь потрясающей панорамой, представшей моему взору. Вдали виднелось село, которое мы проезжали на автобусе, расположенное на другой стороне холма. Справа словно лоскут терялась в густой растительности река, а внизу виднелся ухоженный сад с множеством растений.

– Обожаю заниматься садом, – невозмутимо сказала экономка, вставая со мною рядом. – Особенно люблю розы. Как видите, я собрала букет из роз специально для Вас.

Я повернулась и увидела большую вазу на комод, в которой стоял плотный букет из роз. Я подошла к нему и вдохнула носом аромат. Запах на мгновение ударил мне в голову, заставив ее слегка закружиться.

Впервые за мои двадцать два года я почувствовала себя дома. Будто я наконец-то оказалась в надежной и гостеприимной гавани.

– Вам нравятся белые розы, синьорина? Может, Вы предпочитаете оранжевые или красные? Или желтые?

Этот каверзный вопрос вернул меня с небес на землю, хотя в устах этой любезной женщины он прозвучал вполне невинно.

– Мне нравятся любые. У меня нет каких-то особых предпочтений, – прошептала я, закрывая глаза.

– Готова поспорить, что Вам нравятся красные. Всем женщинам нравятся красные розы. Хотя мне это кажется неправильным... В том смысле... Что красные розы должен дарить только поклонник... У Вас есть молодой человек, синьорина Бруно?

– Нет.

Мой голос был едва слышен. Это был тон усталого человека, который никогда не дает другого ответа.

– Какая жалость. Хотя это очевидно, иначе Вас бы не было в этом месте, затерянном и далеком от Вашего любимого. Здесь, Вы вряд ли кого-то встретите...

Я открыла глаза.

– Я не ищу жениха.

Ее лицо тут же просветлело.

– Значит, Вы не будете разочарованы. Здесь почти невозможно с кем-то познакомиться, потому что все уже имеют пару. Тут становятся помолвленными еще в детском саду... Все эти сельские местности совершенно закрыты для всего нового и для целого мира.

А я была другой. Безвозвратно другой.

– Как я Вам уже сказала, для меня это совершенно не проблема, – произнесла я сдержанно.

– У Вас такие красивые волосы с рыжеватым отливом, синьорина Бруно. Я Вам завидую. Это характерно для шотландцев, хотя Вы и не шотландка.

Я рассеянно провела рукой по волосам, улыбнувшись ей. Я не стала ей отвечать, будучи привычной к такого рода комментариям. Женщина же снова начала стрекотать, а я опять погрузилась в свои горькие воспоминания, которые не выветриваются быстро, а напротив, исчезают очень неохотно, зато молниеносно возвращаются обратно. Но, не позволив раскаленному копыю памяти пронзить меня, я прервала экономку на середине следующей истории.

– Какими будут мои рабочие часы?

Женщина одобрительно кивнула, видя мою самоотверженность.

– С девяти утра до пяти вечера, синьорина. Конечно, еще будет обеденный перерыв. По этому поводу хочу сказать Вам, что синьор МакЛэйн предпочитает обедать в своей комнате в полном одиночестве. Боюсь, у Вас не будет компании, – сказала она с сожалением, и в ее голосе прозвучали извиняющиеся нотки. – Он очень разочарованный мужчина. Знаете... из-за трагедии... он как лев в клетке, и поверьте... когда он кричит, хочется бросить все и сбежать... Именно так и поступили три предыдущие секретарши, – глаза ее, казалось, изучают меня сквозь увеличительные линзы. – Вы мне кажетесь подходящей с точки зрения здравого смысла и опыта. Я надеюсь, что Вы сможете выдержать дольше, я Вам этого желаю от всего сердца...

– Несмотря на мой худощавый и хрупкий вид, я обладаю бесконечным терпением, синьора МакМиллиан. Я Вам обещаю, что сделаю все возможное, чтобы быть на высоте, – заверила я ее с оптимизмом, свято веря, что у меня все получится.

Женщина одарила меня широкой солнечной улыбкой, довольная моим заверением. Но она посоветовала мне не продавать шкуру неубитого медведя. Потом она направилась к двери, все еще улыбаясь, и сказала:

– Синьор МакЛэйн ждет Вас через час в своем кабинете, синьорина Бруно. Не робейте. Держите голову высоко, это единственный способ не дать себя поймать при первой же возможности.

Я моргнула, словно только что проснулась.

– Он любит ставить в затруднительное положение?

Женщина стала серьезной.

– Он суровый человек, но справедливый. Скажем так: он не любит кроликов и сделает все, чтобы раскусить их за один присест. Проблема в том, что многие тигры притворяются кроликами в его присутствии...

Она с улыбкой попрощалась со мной и удалилась, не замечая урагана, который наполнил мою голову после ее последних слов. Я вернулась к

окну. Легкий ветерок стих, оставив место удушливой жаре, характерной больше для материка, чем для этой местности.

Я с трудом пыталась привести ум в порядок и очистить его от губительных мыслей. Передо мной опять был белый лист, неразрезанный, чистый и свободный от всех забот.

С убежденностью самоуверенного человека я знала, что это было относительным спокойствием, эфемерным, как след на песке, готовым исчезнуть при первом же отливе.

Приветливость синьоры МакМиллиан не должна ввести меня в заблуждение. Она была всего лишь подчиненной, покорной слугой. Она была любезна, была на моей стороне и предлагала мне союз со всей присущей ей непосредственностью, но я не должна забывать, что мой работодатель совершенно другой человек. Мое пребывание в этом доме, очень красивом и отличающемся от всех других мест, в которых мне довелось побывать, зависело исключительно от него. Или точнее от впечатления, которое я на него произведу. Я. Только я.

О нем я знала очень мало. Он одинокий мужчина, приговоренный к наказанию, худшему, чем смерть, изгнанный проживать половинную жизнь, одинокий писатель с плохим характером. Исходя из завуалированных намеков моей провожатой, речь шла о человеке, который находил удовольствие в том, чтобы ставить других в затруднительное положение, который, возможно, обожал вымещать свою месть на других, не будучи в состоянии выместить ее на своем единственном враге: судьбе. Слепой, равнодушной к страданиям, наносимым направо и налево, демократичной в некотором смысле...

Я вздохнула. Если мое пребывание в этом доме должно быть коротким, не было особого смысла разбирать чемодан. Мне не хотелось терять время.

Я бродила по комнате, ни во что не веря. Остановившись перед зеркалом, висящим над комодом, я грустно взглянула на свое лицо. Мои волосы были рыжими. Конечно. Я знала это только потому, что мне это говорили другие, но я не была в состоянии различать цвета. Я

жила черно-белой жизнью, в заточении, как и синьор МакЛэйн. Не в инвалидной коляске, может, но тоже неполноценной жизнью. Я протянула руку к серебряной щетке, лежащей на комодке вместе с другими туалетными принадлежностями. Это была изысканная ценная вещица, и мне позволили пользоваться ею с несравненной щедростью.

Я перевела взгляд на часы, висящие на стене, и они коварно напомнили мне о встрече с хозяином дома.

Я не могу опаздывать.

Не могу опаздывать на первую встречу.

Возможно, на последнюю, если у меня не получится, смогу... Как там сказала синьора МакМиллиан? Ах да. Держи голову высоко. Совет для принцессы кроликов. Моим любимым словом, которое я использовала больше всего, было извинение, которое в зависимости от обстоятельств было «извини» или «извините». Рано или поздно я извинялась даже за свое существование. Я гордо выпрямила спину. Я продам дорого шкуру. И заработаю право, удовольствие, остаться в этом доме, в этой комнате, в этом уголке мира.

На лестничной площадке, шагая по ступенькам, я ощутила, что плечи опустились, мозг закричал, а сердце понеслось куда-то галопом. Мое спокойствие длилось... Сколько? Минуту?

Почти рекорд.

Глава вторая

Оказавшись в холле, я столкнулась с неизбежной неосведомленностью. Где находится кабинет? Как я могла найти его, если я еще там ни разу не была?

Прежде чем погрузиться в отчаяние, я успела заметить посланную мне свыше синьору МакМиллиан с широкой улыбкой на лице.

– Синьора, Бруно, я как раз шла позвать Вас... – она бросила быстрый взгляд на стенные часы. – Какая пунктуальность! Вы действительно редкое сокровище! Вы в самом деле имеете итальянские корни, не шотландские? – засмеялась она над своей шуткой.

Я вежливо улыбнулась и последовала за ней вверх по лестнице. Мы прошли мимо моей комнаты вглубь коридора в направлении массивной двери. Не переставая болтать, она легонько постучала в дверь три раза и приоткрыла ее. Я стояла за ее спиной с дрожащими коленками, пока она просовывала голову внутрь.

– Синьор МакЛэйн... Пришла синьорина Бруно.

– Наконец-то! Опаздывает! – донесся грубый голос.

Экономка громко рассмеялась, привычная к плохому настроению своего хозяина.

– Всего лишь на одну минутку, синьор. Не забывайте, что она новенькая в нашем доме. Это я стала причиной ее опоздания, потому что...

– Пусть войдет, Миллисент, – резко прервал он ее, словно ударил хлыстом, и я буквально подпрыгнула на месте, в то время как женщина спокойно обернулась и посмотрела на меня.

– Синьор МакЛэйн ждет Вас, синьорина Бруно. Пожалуйста, входите.

Экономка отошла немного, пропуская меня в комнату. Я бросила на нее тревожный взгляд, а она, чтобы подбодрить меня, шепнула:

– Ни пуха, ни пера!

Но это дало обратный эффект. Мой мозг превратился в расплавленную мешанину, лишенную всякой логики и ощущения времени и пространства. Я сделала робкий шаг через порог. Но прежде чем я увидела кого-либо, я услышала тот же самый голос, который сказал кому-то:

– Можешь идти, Кайл. Увидимся завтра. И будь пунктуальным, пожалуйста. Я не переношу опоздания.

Мужчина стоял в нескольких шагах от меня, высокий и сильный. Он взглянул на меня и поприветствовал кивком головы, оценивающе осмотрев меня.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, – сказала я в ответ, глядя на него дольше, чем должна была бы, чтобы оттянуть тот момент, когда я буду выглядеть смешно вопреки ожиданиям синьоры МакМиллиан и моим глупым надеждами.

Дверь закрылась за моей спиной, и я вспомнила о хороших манерах.

– Добрый вечер, синьор МакЛэйн, меня зовут Мелисанда Бруно, я приехала из Лондона и...

– Избавьте меня от своей биографии, синьорина Бруно. Неинтересной, к тому же, – голос его был скучающим.

Я подняла глаза, готовая наконец встретиться взглядом с моим собеседником. Едва сделав это, я возблагодарила небо за то, что поприветствовала его раньше. Потому что когда я его увидела, то не могла вспомнить даже собственное имя.

Он сидел за письменным столом в кресле на колесиках. Одна рука лежала на подлокотнике, касаясь дерева, а другая вертела авторучку. Темные бездонные глаза смотрели на меня. В который раз я пожалела, что не в состоянии различать цвета. Я бы с удовольствием отдала год своей жизни, чтобы увидеть цвет его лица и волос. Но такая радость была мне недоступна. Без обжалования. В момент проблеска сознания я поняла, что он был красив: лицо с неестественной бледностью, черные глаза, обрамленные длинными ресницами, черные густые волнистые волосы.

– Вы, случаем, не глухая? Или немая?

Я вернулась на землю, падая с головокружительной высоты. Мне почти показалось, что я слышу, как с треском ломаются мои конечности о землю. Громкий и зловещий хруст, сопровождаемый пугающим и губительным ударом.

– Извините, я отвлеклась, – пробормотала я, краснея.

Он смотрел на меня с повышенным вниманием, как мне показалось. Будто хотел запомнить каждую черту моего лица. Когда же его взгляд задержался у моей шеи, я покраснела еще сильнее. Первый раз в жизни я страстно жаждала поделиться своим дефектом с рождением с другим человеческим существом. Я была бы менее смущена, если бы знала, что синьор МакЛэйн с его аристократической и гордой красотой не может заметить румянец, сильно заливший каждый сантиметр моей кожи.

Я раскачивалась на ногах, смущенная его пристальным взглядом, а он продолжил рассматривать меня, переведя взгляд на волосы.

– Вам следует покрасить волосы. Или их будут принимать за огонь. Я бы не хотел, чтобы Вы оказались под натиском сотни огнетушителей.

Непроницаемое выражение его лица немного оживилось, и веселые искры засверкали в его глазах.

– Не я выбирала цвет волос, – ответила я, собрав все свое достоинство, на какое была способна, – а Бог.

– Вы религиозный человек, синьорина Бруно? – приподнял он бровь.

– А Вы, синьор?

Он положил ручку на стол, не сводя с меня глаз.

– Нет доказательств существования Бога.

– Впрочем, как нет и доказательства обратного, – ответила я с вызовом, и такая пылкость была немыслима для меня.

Его губы расплылись в издевательской усмешке, и он указал мне на мягкое кресло.

– Присаживайтесь, – скорее отдал он мне приказ, чем внес предложение. Тем не менее, я незамедлительно подчинилась.

– Вы не ответили на мой вопрос, синьорина Бруно. Вы религиозный человек?

– Я верующая, синьор МакЛэйн, – подтвердила я едва слышно. – Однако я не очень строго соблюдаю религиозные обряды. Скорее даже совсем не соблюдаю.

– Шотландия – одна из немногих англосаксонских наций, которая соблюдает обряды с непревзойденным рвением и преданностью, – с недвусмысленной иронией сказал он. – А я исключение, которое подтверждает правило... Не так ли? Скажем так: я верю только себе и тому, что могу потрогать.

Он лениво откинулся на спинку кресла на колесиках, постукивая кончиками пальцев о подлокотник. Я бы никогда не подумала, даже на одну секунду, что он был уязвимым и хрупким. Он имел образ человека, который прошел сквозь огонь и который не боится броситься в него снова, если в этом будет необходимость. Или если ему этого просто захочется. Я с трудом отвела глаза от его лица. Оно было сияющим, почти жемчужным, практически ярко-белым и очень отличалось от всех лиц, которые мне довелось видеть. Было невыносимо смотреть на него и слушать его гипнотический голос. Обаятельная змея. И любая женщина была бы счастлива страдать, заколдованная его чарами, которые излучал он, его совершенное лицо, его насмешливый взгляд.

– Итак, Вы моя новая секретарша, синьорина Бруно?

– Если Вы захотите взять меня на работу, синьор МакЛэйн, – уточнила я, поднимая глаза.

Он неоднозначно улыбнулся.

– Почему я должен не взять Вас? Потому что Вы не посещаете церковь каждое воскресенье? Вы считаете меня слишком поверхностным, если полагаете, что я сейчас способен выгнать Вас или... держать Вас здесь ради пустой болтовни.

– Я недостаточно знаю Вас, чтобы составить такое лестное мнение о Вас, – ответила я, улыбаясь. – Но я знаю, однако, что успешные трудовые отношения рождаются на основе первоначальной симпатии, первого благоприятного впечатления.

Его улыбка была настолько неожиданной, что я вздрогнула. Но она погасла так же внезапно, как и родилась. Он посмотрел на меня ледяным взглядом.

– Вы действительно думаете, что так легко найти работника, готового переехать в это богом забытое село, далекое от любых развлечений, торговых центров или дискотек? Вы были единственной, кто ответил на объявление, синьорина Бруно.

В засаде, за льдом его глаз искрился смех. Плитка черного льда с едва заметной трещинкой хорошего настроения, которая согрела мне душу.

– Значит, мне не стоит бояться конкуренции, – сказала я, нервно просовывая руки между своих колен.

Он продолжал изучать меня с тем раздражающим любопытством, с которым обычно смотрят на редкое животное.

Я сглотнула комок, изображая непринужденность, фальшивую и мимолетную. На мгновение, необходимое, чтобы сформулировать мысль, я подумала, что должна бы сбежать из этого дома, из этого кабинета, заполненного книгами, от этого страшного и красивого мужчины. Я чувствовала себя беззащитным котенком в нескольких сантиметрах от глотки льва. Жестокий хищник и беспомощная жертва. Потом это ощущение прошло, и я почувствовала себя глупой. Передо мной был необузданный человек, наглый и деспотичный, но прикованный к креслу на колесиках. Я была очередной добычей, скромной и напуганной девушкой, устойчивой к изменениям. Почему бы не пойти на это? Если его забавляло насмеяться надо мной, зачем лишать его этой возможности поразвлечься, единственной, которая у него была? Это было почти великодушием с моей стороны.

– И что Вы обо мне думаете, синьорина Бруно?

Я снова дважды заставила его повторить свой вопрос и снова смогла удивить его.

– Я не думала, что Вы так молоды.

Я на мгновение застыла и онемела, боясь, что обидела его своим ответом. Но он буквально заморозил меня одной из своих улыбок, которые заставили мое сердце биться чаще.

– Неужели?

Я заерзала на стуле в нерешительности, что ему ответить. Потом решение наконец пришло мне в голову, и я, собрав всю свою смелость,

под его пристальным взглядом, заставляющим танцевать мое сердце, продолжила:

– Ну... Вы написали свою первую книгу в двадцать пять лет, насколько я знаю, то есть пятнадцать лет назад. Вы немногим старше меня, – сказала я задумчиво.

– И сколько Вам лет, синьорина Бруно?

– Двадцать два, синьор, – ответила я, окутанная глубиной его глаз.

– Я действительно стар для тебя, синьорина Бруно, – сказал он с улыбкой. Потом опустил глаза, и холодная зимняя ночь вернулась в его взгляд, более жестокий, чем взгляд змеи. Исчезли все следы тепла. – Однако Вы можете быть спокойны. Вы не должны опасаться сексуальных домогательств, пока спите в своей кровати. Как видите, я неподвижен.

Я молчала, потому что я не знала, что сказать. Его тон был горьким и лишенным всякой надежды, а лицо стало каменным. Его глаза зондировали мои в поисках чего-то, чего они не находили. Но потом он улыбнулся.

– По крайней мере, Вы не проявляете жалости. И это мне нравится. Я не хочу жалости, я в ней не нуждаюсь. Я значительно счастливее многих других, синьорина Бруно, потому что я свободен. Абсолютно свободен. – Потом он приподнял брови: – Что Вы все еще делаете здесь? Можете идти.

Его сухость поставила меня в тупик. Я нерешительно поднялась, а он воспользовался возможностью выплеснуть на меня свой гнев.

– Вы все еще здесь? Что Вам надо? Или Вы хотите обговорить свой выходной день? – зло обвинил он меня.

– Нет, синьор МакЛэйн, – неуклюже направилась я к двери, но едва я взялась за ручку, он остановил меня.

– Завтра в девять утра я жду Вас, синьорина Бруно. Я пишу новую книгу под названием «Мертвые без погребения». Вам кажется ужасным?

Его улыбка стала шире. Резкая смена настроения, должно быть, была основной чертой его характера. Я постаралась взять это на заметку, поскольку у меня были все шансы иметь такие истерические кризисы по двадцать раз за день.

– Кажется интересным, синьор, – ответила я осторожно.

Он откинул назад голову и расхохотался.

– Интересным?! Спорим, что Вы не читали ни одной из моих книг, синьорина Бруно? Мне кажется, что у вас нежная душа... И ты бы не смогла заснуть всю ночь во власти кошмаров, – снова рассмеялся он, перескакивая с «Вы» на «ты» с такой же скоростью, с какой менялось его настроение.

– Я не такая впечатлительная, какой кажусь, синьор, – ответила я покорно, чем вызвала новый взрыв смеха.

Маневрируя с помощью рук колесами кресла, с мастерством, выработанным годами привычки и достойным восхищения, он необычайно быстро направился в мою сторону. Он подъехал так близко, что все мои попытки сформулировать разумную мысль стали бесполезными. Инстинктивно я сделала шаг назад. Притворившись, что ничего не заметил, он показал на библиотеку справа от меня.

– Достань четвертую книгу слева на третьей полке.

Я послушно достала указанную книгу. Название было мне знакомо из информации, которую я нашла о нем в Интернете перед отъездом, но содержания я не знала. Ужасы не были моим любимым жанром, который подходит больше сильным личностям, а не таким нежным и романтичным, как я.

– «Зомби в пути», – прочитал он громко. – Самое подходящее, чтобы начать. Это наименее... как бы сказать? Наименее страшное.

Он засмеялся, явно надо мной, над моим плохо скрываемым дискомфортом, который ощущала каждая клеточка моего тела.

– Почему бы тебе не начать сегодня вечером? Это помогло бы тебе подготовиться к твоей новой работе, – посоветовал он со смеющимися глазами.

– Хорошо, я займусь этим, – сказала я со слабым энтузиазмом.

– До завтра, синьорина Бруно, – снова жестко попрощался он. – Закройся в комнате, потому что я бы не хотел, чтобы дворцовые духи или какие-то другие ночные создания посетили тебя этой ночью. Знаешь... – он замолчал, и в его глазах вновь заплясали искорки смеха, – как я тебе уже говорил, трудно найти кого-то на это место.

Я попыталась улыбнуться, но у меня получилось не слишком убедительно.

– Спокойной ночи, синьор МакЛэйн, – сказала я и, прежде чем хлопнуть дверью, добавила: – Я не верю в духи и другие ночные создания.

– Уверена?

– Нет доказательств их существования, синьор, – ответила я, невольно поворачиваясь к нему.

– Впрочем, как нет и доказательства обратного, – возразил он. Потом крутанул колеса своего кресла и вернулся назад, за письменный стол.

Я бесшумно закрыла дверь, а сердце мое ушло в пятки. Может, он был прав, и зомби существуют. Потому что в тот момент я чувствовала себя одной из них. Ошеломленная, с затуманенным мозгом, словно в подвешенном состоянии, в котором я больше не могла отличать реальность от нереальности. И это было хуже, чем не различать цвета.

Я без всякого аппетита поужинала в компании синьоры МакМиллиан, в то время как мысли мои были заняты совсем другим. Я боялась, что увижу ее только завтра утром там, где я оставила ее. Что-то подсказывало мне, что я доверила свое сердце не в самые лучшие руки.

О разговоре с гувернанткой тем вечером я не помнила почти ничего. Говорила только она, не переставая. Казалось, она была на седьмом небе от счастья, что у нее появился собеседница. А точнее слушательница. Слишком воспитанная, чтобы прервать ее, слишком почтительная, чтобы показать свою незаинтересованность, слишком погруженная в свои мысли, чтобы заявить о своей потребности побыть в одиночестве. Чтобы подумать о нем.

Я удобно устроилась в своей кровати часом позже, откинув голову на подушки, и открыла книгу, которую он дал мне почитать. Уже на второй странице я была охвачена ужасом, тщетно уговаривая себя, что речь идет всего лишь о книге. Несмотря на здравый смысл, который в теории был мне присущ, воздух в комнате стал душным, а желание выйти в вечернюю свежесть стало нестерпимым.

Босыми ногами я пересекла темную комнату и распахнула окно. Сев на подоконник, я погрузилась в прозрачную ночь начинающегося лета. Тишину нарушали только стрекотание сверчков да уханье совы. Было здорово находиться там, на расстоянии световых лет от суеты Лондона, от его бешеных ритмов, всегда на грани истерики. Ночь была совершенно черной, и лишь звезды, разбросанные по небу, нарушали эту черноту. Я любила ночь, лениво думая о том, что хотела бы стать каким-нибудь ночным созданием. Темнота была моим союзником. Без света все становилось черным, и моя генетическая неспособность различать цвета теряла свою важность. Ночью мои глаза были такими же, как у всех других людей. На несколько часов я не ощущала себя отличной от остальных. Мимолетное, но освежающее облегчение, словно вода на разгоряченной коже.

Утром, проснувшись от звона будильника, я несколько минут оставалась в постели в оцепенении. Но мгновение спустя ко мне вернулась память, и я начала узнавать комнату. Одевшись, я покинула

ее и спустилась по лестнице, напуганная глубокой тишиной вокруг меня. Но вид Миллисент МакМиллиан, веселой и добродушной как всегда, прогнал туман и наполнил мой взволнованный ум спокойствием.

– Хорошо поспали, синьорина Бруно? – начала она.

– Лучше, чем когда либо, – ответила я, удивленная этой новостью. Я уже несколько лет не спала так спокойно, оставив на несколько часов негативные мысли.

– Хотите кофе или чай?

– Чай, пожалуйста, – попросила я, садясь за кухонный стол.

– Идите в гостиную, я накрою там.

– Я предпочитаю позавтракать вместе с Вами, – сказала я, подавляя зевок.

Женщина была польщена и начала крутиться вокруг плиты. Она снова принялась болтать, а я принялась думать о Монике. Интересно, что она делает сейчас? Уже приготовила завтрак? Мысли о моей сестре тяжело легли на мои хрупкие плечи, и я с радостью восприняла появившийся передо мной чай.

– Спасибо, синьора МакМиллиан.

Я с удовольствием попробовала горячий напиток с приятным вкусом, пока экономка нарезала хлеб и ставила передо мной несколько вазочек с различным джемом.

– Попробуйте малиновый, он просто сказочный.

Я протянула руку к вазочке с джемом, и сердце тут же вздрогнуло. Мое отличие от всех остальных вернулось, окутав меня тиной, темной и зловонной. Почему я? Есть ли во всем мире такие, как я? Или я была исключительной аномалией, ошибочной шуткой природы?

Я наугад схватила вазочку, надеясь, что пожилая женщина достаточно сконцентрирована на своей болтовне, чтобы заметить мою возможную ошибку. Джемов было всего пять, следовательно, у меня был только один шанс из пяти, два из десяти, двадцать из ста, чтобы взять нужную вазочку с первого раза.

Она поспешила поправить меня, оказавшись менее рассеянной, чем я думала.

– Нет, синьорина. Это апельсиновый джем, – улыбнулась она, не догадываясь о том, какое волнение вызвала внутри меня; на моем лбу даже выступили капли пота. Она передала мне вазочку. – Вот возьмите, его очень легко спутать с клубничным.

Не заметив моей натянутой улыбки, она продолжила рассказывать о своих горестных приключениях с одним флорентинцем, который оставил ее ради южноамериканки.

Я поела без особого аппетита, все еще находясь во власти напряжения от недавнего происшествия, проклиная себя, что отказалась от предложения позавтракать в одиночестве. В этом случае не возникло бы этих проблем. Избегать потенциально критических ситуаций – это было моей мантрой. Всегда. Я не должна позволить, чтобы приятная атмосфера этого дома подтолкнула меня к опрометчивым поступкам, и я забыла об осторожности. Синьора МакМиллиан казалась хорошей женщиной, умной и заботливой, но она была слишком болтлива. Я не могла рассчитывать на нее.

Она сделала небольшую паузу, чтобы сделать глоток чая, и я тут же воспользовалась возможностью задать ей несколько вопросов:

– Вы давно работаете у синьора МакЛэйна?

Лицо ее озарилось радостью от возможности поведать новые истории.

– Я здесь уже пятнадцать лет. Я приехала сюда всего несколько месяцев спустя после несчастья, случившегося с синьором МакЛэйном. Того самого, в котором... Ну Вы понимаете. Все

предыдущие домработницы были выгнаны отсюда. Раньше синьор МакЛэйн был очень жизнерадостным, полным желанием жить, всегда веселым. Теперь, к сожалению, все изменилось.

– Но что случилось? Я хочу сказать... несчастье? То есть... Извините за мое непростительное любопытство, – прикусила я губу, опасаясь показаться неправильно понятой.

Она покачала головой.

– Это нормально задавать вопросы, это человеческая природа. Я точно не знаю, что случилось. В селе мне сказали, что синьор МакЛэйн должен был жениться прямо на следующий день после автомобильной аварии, но этого очевидно не произошло. Некоторые говорят, что он был пьян, но это, на мой взгляд, лишь догадки. Единственное, что кажется точным, – это то, что он вылетел на обочину, чтобы не наехать на ребенка.

Мое любопытство усилилось от ее слов.

– Ребенка? Я читала в Интернете, что авария произошла ночью.

– Ну да, – пожала она плечами, – кажется, речь идет о сыне бакалейщика. Он убежал из дома, потому что решил присоединиться к друзьям из цирковой компании, которые были в турне в этой местности.

Я обдумывала эту новость. Это объясняло такие резкие перепады в настроении синьора МакЛэйна, его постоянно плохое расположение духа, его несчастное выражение. Как не понять его? Его мир рухнул, разлетелся на куски по воле злосчастной судьбы. Молодой, богатый, красивый успешный писатель в шаге от исполнения своей мечты о любви... За несколько секунд он потерял большую часть того, что имел. У меня никогда не было таких крушений, и я могла только догадываться о них. Нельзя потерять того, чего не имеешь. Моей единственной компанией всегда было Ничего.

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: <http://www.ebooks2go.com>